

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Бертран Рассел СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ

Работа THE ESSENCE OF RELIGION впервые опубликована в 1912 году в "Hibbert Journal". Перевод выполнен А. А. Яковлевым по изданию: The Basic Writings of B. Russell. 1961. Эта работа отражает влияние на Рассела Оттолина Моррел, с которой он познакомился несколькими годами ранее. Леди Оттолин была глубоко религиозной женщиной, и Рассел написал "Сущность религии" из уважения к ее религиозным чувствам, попытавшись систематизировать все ценное, что, по его мнению, могла бы содержать религия.

В письме к ней от 29 ноября 1911 г. Рассел писал: "Твоя вера сохраняется потому, что ты не веришь в разум. Именно здесь у нас серьезные разногласия, а не в вопросе о боге, который является просто внешним симптомом. Когда я говорю, что ты не веришь в разум, то имею в виду, что страстное чувство кажется тебе основанием для веры, извещающим от дальнейшего детального изучения вопроса о существовании бога. Когда я с тобой, я не осознаю антагонизма, я только очень хочу найти пути примирения по фундаментальным вещам, не отказываясь в то же время от своей собственной веры. По-моему, страстное чувство любви к богу часто - достаточное основание для суждений о добре и зле, но не для суждений о существовании". Статья "Сущность религии" составляет опубликованную часть большей работы Рассела "Тюрьмы", полностью так и оставшейся неопубликованной, поскольку сам автор в итоге посчитал ее скучной.

Крушение традиционной религиозной веры, горько оплакиваемое защитниками церкви и радостно встреченное теми, кто видит в старых убеждениях одни лишь предрассудки - факт, не подлежащий сомнению. Однако, если догмы сменны, это отнюдь не означает, что вопрос о месте религии в жизни решен. Догмы были нужны, и не столько сами по себе, сколько потому, что - как считалось - они формировали определенное отношение к миру, направляли мысли и способствовали становлению целостной жизни, свободной от ограниченности конечного "я", тирании желаний и повседневных забот. Но такая жизнь возможна и без догм, и ее не упразднит безразличие тех, кто перестал верить религиям прошлых веков. Действия, вдохновленные религией, устремлены к великим целям, но не в ясном понимании целей их необходимости. Стоящие за действиями убеждения очень глубоки и инстинктивны, но зачастую люди, которые основывают на них свою жизнь, ничего об этих убеждениях не знают. Быть может, религия строится не на убеждениях, а на чувстве. Последнее, вступая в область веры, может порождать суждения о добром и злом, ведь и не прибегая к помощи интеллекта, чувство способно играть решающую роль в действии. Можно сказать, что суть религии - в свободе от ограничений, в стремлении к цельной жизни, освобождающей людей из тюрьмы суетных желаний и мелочных мыслей. Но освобождение приносит только та религия, которая обходится без догматических оков. Ибо догмы, противоречащие человеческому естеству, превращаются в кандалы.

Душа человека - своеобразный сплав бога и зверя, арена борьбы двух начал: одно - частичное, ограниченное, эгоистическое, а другое - всеобщее, бесконечное и беспристрастное. Конечная жизнь, которая одинакова у человека и животных, привязана к телу и взирает на мир с позиций "здесь" и "теперь". Любовь и ненависть, основанные на служении своему "я", принадлежат конечной жизни. Любовь мужчины и женщины, родителей и детей, пока она не выходит за рамки инстинкта, остается животной, она становится бесконечной, когда преодолевает инстинкт и перестает подчиняться только целям конечного "я". Ненависть к врагам и любовь к союзникам люди разделяют с другими стадными животными: они считают Вселенную расположенной вокруг одного центра, одного борющегося "я". Конечная жизнь содержит в себе все, что отделяет нас от других людей и от Вселенной; она порождает мысли и желания, которых не может быть у других, все заблуждения и ошибки, все амбиции, приводящие к вражде. Бесконечная часть нашей жизни взирает на мир не с какой-то одной, частной точки

Бертран Рассел

СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ

Работа THE ESSENCE OF RELIGION впервые опубликована в 1912 году в "Hibbert Journal". Перевод выполнен А. А. Яковлевым по изданию: The Basic Writings of B. Russell. 1961. Эта работа отражает влияние на Рассела Оттолин Моррел, с которой он познакомился несколькими годами ранее. Леди Оттолин была глубоко религиозной женщиной, и Рассел написал "Сущность религии" из

уважения к ее религиозным чувствам, попытавшись систематизировать все ценное, что, по его мнению, могла бы содержать религия.

В письме к ней от 29 ноября 1911 г. Рассел писал: "Твоя вера сохраняется потому, что ты не веришь в разум. Именно здесь у нас серьезные разногласия, а не в вопросе о боге, который является просто внешним симптомом. Когда я говорю, что ты не веришь в разум, то имею в виду, что страстное чувство кажется тебе основанием для веры, избавляющим от дальнейшего детального изучения

вопроса о существовании бога. Когда я с тобой, я не сознаю антагонизма, я только очень хочу найти пути примирения по фундаментальным вещам, не отказываясь в то же время от своей собственной веры. Поэтому, страстное чувство любви к богу часто - достаточное основание для суждений о добре и зле, но не для суждений о существовании".

Статья "Сущность религии" составляет опубликованную часть большой работы Рассела "Тюрьмы", полностью так и оставшейся неопубликованной, поскольку сам автор в итоге посчитал ее скучной.

Крушение традиционной религиозной веры, горько оплакиваемое защитниками церкви и радостно встреченное теми, кто видит в старых убеждениях одни лишь предрассудки, - факт, не подлежащий сомнению. Однако, если догмы сметены, это отнюдь не означает, что вопрос о месте религии в жизни решен.

Догмы были нужны, и не
столько сами по себе,
сколько потому, что - как
считалось - они
формировали определенное
отношение к миру,
направляли мысли и
способствовали
становлению целостной
жизни, свободной от
ограниченности конечного
"я", тирании желаний и
повседневных забот. Но

такая жизнь возможна и без догм, и ее не упразднит безразличие тех, кто перестал доверять религиям прошлых веков. Действия, вдохновленные религией, устремлены к великим целям, но не в ясном понимании целей их необходимость. Стоящие за действиями убеждения очень глубоки и инстинктивны, но зачастую

люди, которые основывают на них свою жизнь, ничего об этих убеждениях не знают. Быть может, религия строится не на убеждениях, а на чувстве. Последнее, вступая в область веры, может порождать суждения о добром и злом; ведь и не прибегая к помощи интеллекта, чувство способно играть решающую роль в действии. Можно

сказать, что суть религии - в
свободе от ограничений, в
стремлении к цельной
жизни, освобождающей
людей из тюрьмы суетных
желаний и мелочных
мыслей. Но освобождение
приносит только та религия,
которая обходится без
догматических оков. Ибо
догмы, противоречащие
человеческому естеству,
превращаются в кандалы.

Душа человека - своеобразный сплав бога и зверя, арена борьбы двух начал: одно - частичное, ограниченное, эгоистическое, а другое - всеобщее, бесконечное и беспристрастное. Конечная жизнь, которая одинакова у человека и животных, привязана к телу и взирает на мир с позиций "здесь" и "теперь". Любовь и ненависть, основанные на служении своему "я", принадлежат конечной жизни. Любовь мужчины и женщины, родителей и детей, пока она не выходит за рамки инстинкта, остается животной; она становится бесконечной, когда преодолевает

инстинкт и перестает подчиняться только целям конечного "я".

Ненависть к врагам и любовь к союзникам люди разделяют с другими стадными животными: они считают Вселенную расположенной вокруг одного центра, одного борющегося "я". Конечная жизнь содержит в себе все, что отделяет нас от других людей и от Вселенной; она порождает мысли и желания, которых не может быть у других, все заблуждения и ошибки, все амбиции, приводящие к вражде.

Бесконечная часть нашей жизни взирает на мир не с какой-то одной,

частной точки зрения: ее свет подобен ровному отблеску солнца на хмуром небе. Далекие века и отдаленные пространства столь же реальны для нее, как то, что существует сегодня и рядом. В сфере мысли она поднимается над жизнью чувств, всегда в поисках общего и понятного всем людям. В сфере желаний и воли она нацелена на благо как таковое, а не на "мое" или "твое" благо; в сфере чувств - дает любовь всем, а не только тем, кто ее желает ради себя. В отличие от конечной жизни, она беспристрастна; и беспристрастность приводит к

истине в мышлении, справедливости
в действии и всеобщей любви в
чувстве. В отличие от природы,
одинаковой у человека и животных,
бесконечная жизнь
беспрепятственно охватывает весь
универсум существования и
сущности. В ней нет ничего
личностного, ее мысли и желания
могут быть общими для всех, ибо они
не зависят от исключительности
"здесь", "теперь" и "я". Таким
образом, бесконечное начало
является принципом единства мира,
а конечное начало - принципом, его
разделяющим. Между бесконечным
естеством в одном человеке и

бесконечным естеством в другом человеке не может возникнуть серьезного конфликта: если их воплощения и несовершенны, то они дополняют друг друга. Различие бесконечного естества у разных людей случайно, и бесконечное, присутствующее во всех людях, образует единую всеобщую природу. Имеется, таким образом, союз всех бесконечных натур, принадлежащих различным людям, но не существует союза конечных натур. По мере того как бесконечное в нас возрастает, мы начинаем полнее жить той жизнью единого всеобщего естества, которое

обнимает бесконечное в каждом из нас.

Конечное "я", движимое желанием самосохранения, возводит тюремные стены вокруг бесконечной части нашей природы и стремится оградить ее от свободной цельной жизни, которая составляет бытие бесконечного. Конечное "я" нацелено на господство: оно видит мир как

концентрические круги,
идушие от "здесь" и
"теперь", а себя - как
божество желанного рая.
Всеобщая душа смеется над
этим взглядом, но конечное
"я" все же сохраняет
надежду на осуществление
своей мечты и избавление от
назойливого критика. Для
многих людей конечное "я"
навсегда остается
тюремщиком всеобщей

души; другие имеют
возможность - изредка и
ненадолго - устроить себе
побег; очень немногие
разрушают тюремные стены
полностью и освобождают
всеобщую душу на всю
жизнь. Побег из тюрьмы
придает отдельным
жизненным моментам и
мыслям бесконечность,
пробивающуюся, подобно
свету, из какого-то иного,

высшего мира.

Неожиданная красота среди вражды, нерассуждающая любовь или ночной ветер, шумящий в листве, - все это может сообщать нам, что возможна жизнь, свободная от конфликтов и суеты повседневности, жизнь, полная бестревожного покоя. Знание вещей бесконечных, безусловно, дает более глубокое

проникновение, чем самое
подробное знание обычной
жизни. Жизнь, проникнутая
этим видением, свободна от
борьбы, это - жизнь,
находящаяся в гармонии с
целым, жизнь, выходящая за
тюремные стены,
возведенные
инстинктивными желаниями
конечного "я".

Именно ощущение внезапной
мудрости является источником того

существенного, что имеется в религии. Мистицизм истолковывает это ощущение как встречу с миром более глубоким, истинным и единым, чем мир наших обыденных верований. За тонким покровом он видит славу божью - видит, как правило, смутно, но иногда ошеломляюще ярко. Все зло в нашей повседневной жизни мистицизм считает просто тенями, иллюзиями, пустяками, исчезающими перед взором тех, кто видит за ними сияющий мир. Но тем самым мистицизм преуменьшает ценность опыта, к которому сам апеллирует. Ощущаемую нами бесконечность

нельзя объяснить тем, что мы начинаем воспринимать новые объекты, отличные от тех, которые обычно кажутся конечными. Она объясняется скорее другим способом видения тех же самых объектов - созерцанием более безличным и широким, исполненным большей любви, чем фрагментарный и беспокойный взгляд на вещи, рассматривающий их как средства, которые помогают либо препятствуют достижению наших непосредственных целей. Красота и покой находятся не в каком-то потустороннем мире - они в действительном, повседневном мире,

в самой гуще дел и событий. Но это - повседневность, на которую взирает всеобщая душа, это - действия и события, вдохновленные ею. Зло и суета - не иллюзии, просто всеобщая душа обнаруживает в себе любовь, для которой несовершенство не служит препятствием, и приводит мир в согласие единством своего собственного созерцания.

Переход от жизни конечного "я" к бесконечной целостной жизни требует абсолютной самоотдачи, когда личная воля исчезает

и душа чувствует себя в полном подчинении у Вселенной. Бывает, что после страстной борьбы за какое-нибудь частное благо ощущается нужда - внутренняя или внешняя - отказаться от этой борьбы, поглощавшей все наши желания . И если никакого другого желания наготове нет, может возникнуть состояние воздержания от

воли, когда душа более не
хочет навязывать себя миру
и в то же время открыта
любому воздействию,
которое мир на нее
оказывает. Именно в такой
момент впервые
зарождается созерцательное
видение, приносящее с
собой всеобщую любовь и
всеобщее поклонение. Из
всеобщего поклонения
возникает радость, из

всеобщей любви - новое желание; и рождается тот поиск всеобщего блага, на который направлена воля нашего бесконечного естества. Таким образом, из самоотречения - этого подобия смерти для конечного "я" - возникает новая жизнь, с более широким взглядом, новым счастьем и большими надеждами.

Решиться на самоотречение,
порождающее бесконечную жизнь,
для некоторых людей нетрудно,
потому что они верят во всеведущего
бога и подчиняются ему из чувства
долга. Но по своей сути оно не
связано ни с этой верой, ни с какой
бы то ни было другой. Правда, все
религии прошлого зависели в
большей или меньшей степени от
догм - своего рода теорий о природе
и цели Вселенной. Крушение
традиционной веры заставило
усомниться во всякой догматической
религии; оно сделало религию
невозможной для многих людей,
религиозных по самой своей

природе. Поэтому те, кто не принимают верований прошлого и вместе с тем полагают, что религиозное мировоззрение не может обойтись без догм, теряют бесконечное в жизни, а их мысли ограничиваются заботами одного дня. Они теряют ощущение цельности жизни, теряют то необъяснимое чувство единства, которое порождает сочувствие и всемерное служение человечеству. Они не видят, что красота отмечена славой, которую пронизательный взор различает во всех вещах. Они не видят, что любовь ведет в тот преображенный мир, где мы едины

со Вселенной. Поэтому их воззрения бедны, а жизнь мелочна. Чтобы правильно поступить, они обращаются к чистой морали, но мотивы чистой морали явно недостаточны для тех, кто жаждет бесконечного. Поэтому дело первостепенной важности - сохранение религии, не зависящей от догм, принять которые не позволяет интеллектуальная честность.

В христианстве кое-что хотелось бы сохранить: это - поклонение, смирение, любовь. Поклоняются в этой религии богу; смиряются перед неизбежным, этой волей божьей;

любовь испытывают к ближним своим, врагам и вообще ко всем людям. Любовь, проповедуемая христианством, да и всякая любовь, которая хочет быть всеобщей и одновременно подлинной, видимо, как-то зависит от поклонения и смирения. А они, в той форме, какую принимают в христианстве, в свою очередь, зависят от веры в бога и потому неприемлемы для тех, кого эта вера не устраивает. Наверное, в поклонении что-то теряется, когда мы перестаем верить в существование пребывающих вместе высшего блага и высшей силы. Но многое можно сохранить, и этого,

видимо, достаточно для истинно религиозной жизни. Смирение также становится более трудным, когда нет веры в бога, поскольку нет оснований для уверенности, что очевидное зло в мироустройстве на самом деле является благом. Но все же оно возможно, и когда его достигают, преодолевая величайшие затруднения, оно оказывается более благородным, глубоким и проникновенным, чем любое христианское смирение. Поэтому религия, лишенная догм, в некоторых отношениях может быть величественнее и религиознее, чем религия, основанная на вере в то, что

В конце концов наши идеалы
осуществятся во внешнем мире.

1. Поклонение трудно определить,
потому что оно развивалось и
изменялось по мере изменения и
развития человека. В неразвитых
религиях оно могло быть вызвано
одним лишь страхом - поклонялись
всему, что обладало могуществом.
Этот элемент присутствует и в
поклонении богу, которое в
значительной мере вызывается
страхом и почтением к силе. Но
затем страх все более и более
вытесняется любовью, и во всяком
развитом культе он уже полностью

отсутствует. Как только страх преодолевается, приходит радость созерцания. Но поклонение - это не только радость: рядом с ним должны быть благоговение и ощущение тайны, которые тоже не просто определить. Эти три вещи, видимо, существенны для любых высших форм поклонения.

У поклонения, в этом широком смысле, имеются разновидности, которые необходимо различать. Существует избирательное поклонение, которое требует, чтобы его объект был добрым, и не приемлет злого объекта; с другой

стороны, существует бесстрастное поклонение всему существующему, независимо от того, доброе оно или злое. Важно еще различать следующее: есть поклонение только существующим в действительности объектам, и есть поклонение только тому, что принадлежит миру идеалов. Их можно назвать поклонением действительному и поклонением идеальному. Они соединяются в поклонении богу, поскольку бог существует в действительности и воплощает в совершенном виде идеальное.

Поклонение богу
избирательно, поскольку
имеет в виду доброту
божью. Таково также
поклонение великим людям
или великим делам, вообще
всему, что обладает какой-то
исключительностью и
вызывает наше восхищение.
Поклонение такого рода,
хотя оно и может
относиться к большей части
того, что существует в

действительности, не
порождает религиозного
отношения ко всей
Вселенной в целом, разве
что у тех, кто верит во
всемогущего творца или в
пантеистическое [1]
всепроникающее единство.
Для тех же, кто не обладает
такой верой, избирательное
поклонение находит свой
настоящий объект только в
идеальном благе,

создаваемом в созерцании.
Идеальное благо вообще
важно для религиозной
жизни, поскольку оно
мотивирует действия и
наделяет содержанием
стремление ко всеобщему
благу, которое чувствует
всеобщая любовь. Без
знания и без поклонения
идеальному благу
человеческая любовь слепа;
она не видит, где искать

блага для любимых. Всякое воплощение добра в действительном мире несовершенно, хотя бы в силу своей краткости.

Полностью утолить нашу жажду совершенства может только идеальное благо.

Только оно не требует подчиняться власти и приносить стремление в жертву возможности; только оно не заставляет мышление

рабски прислуживать
фактам. Образ идеального
блага сообщает
бесконечную перспективу
деятельному поиску тех
фрагментов блага, которые
мир позволяет нам
создавать. Однако
поклонение идеальному
благу, принося радость,
возникающую из созерцания
совершенства, несет с
собою и боль, причиняемую

несовершенством
действительного мира. Если
поклоняться только
идеальному благу, то
возникает ощущение
одиначества среди
враждебных сил. Поэтому
такое поклонение, хотя и
необходимо всякому
религиозному действию,
недостаточно само по себе;
оно не вызывает того
чувства единения с

действительным миром,
которое заставляет нас
оставить мир созерцания и -
как ни мала надежда на
успех - творить благо здесь,
на земле.

Для этого необходимо
поклоняться
существующему. Такое
поклонение, если есть вера
в бога, может быть
избирательным, поскольку
бог существует и

совершенно благ. Если веры в бога нет, поклоняться можно великим людям и великим свершениям, однако это всегда трудно из-за несовершенства и ограниченности таких объектов. Поклонение всему, что существует, не должно быть избирательным и заключать суждений о благом характере того, чему поклоняются; оно должно

быть непосредственным и
беспристрастным чувством.
Такого рода поклонению
способствует
созерцательное видение,
находящее в существующем
тайну и радость, а с ними
любовь ко всему живому.
Всегда считалось, что
беспристрастное
поклонение основано на
вере в бога, так как
заключает в себе мнение о

благом характере всего существующего. На самом деле оно не предполагает никаких вообще мнений и по этой причине не может быть ошибочным и зависеть от догм. Сочетание этого поклонения с идеальным благом дает нам веру, не зависящую от мнений о действительном мире и, следовательно, неуязвимую для аргументов, которые

поколебали принципы
традиционной религии.

Религия, таким образом, есть
результат соединения двух различных
видов поклонения - избирательного
поклонения благу, поскольку оно
является благом, и беспристрастного
поклонения всему существующему.
Первое является источником теизма,
второе - пантеизма; но ни в том, ни в
другом случае вера не является
необходимым следствием
поклонения, которое ее порождает.
Объект избирательной веры -
идеальное благо, принадлежащее
миру всеобщего. Забыв о всеобщем,

люди стали полагать, что идеальное благо не обладает бытием, не принадлежит действительному миру и поэтому не может служить объектом поклонения; они думали, что без веры в бога нет и поклонения. Однако изучение мира всеобщего показывает, что это не так: объект поклонения не обязательно должен существовать, хотя в то же время для поклонения очень важно желать, чтобы объект существовал в возможно более совершенном виде. Объект беспристрастного поклонения - это все существующее; в данном случае, хотя мы и знаем, что объект существует, неизвестно,

благ ли он. Однако для поклонения очень важно желание, чтобы он был возможно более благим. Пантеизм из созерцательной радости беспристрастного поклонения и из единства воззрений последнего на Вселенную ошибочно заключает, что такое поклонение предполагает веру в доброту и единство Вселенной. Эта вера не более необходима для беспристрастного поклонения, чем вера в бога для избирательного поклонения. То и другое поклонение существуют рядом друг с другом и не нуждаются в догмах: одному нужна доброта, но не существование объекта; другому - его

существование, но не доброта. Религиозное действие постоянно стремится преодолеть разрыв между этими двумя видами поклонения, осуществляя все больше блага и делая все более благим существующее. И лишь в полном единении того и другого душа обретает истинный покой.

2. Смирение. Хотя в мире, где много зла и много несвершенного добра, никакая правдивая религия не дает душе желанного покоя и не освобождает ее от необходимости действовать, она все же может дать смирение перед злом, устранить

которое не в нашей власти.

Христианство верит, что существующее зло, поскольку оно находится в согласии с волей божьей, на самом деле не может быть злом.

Это воззрение, однако, требует изменения наших критериев добра и зла, ведь значительная часть существующего на любой непредубежденный взгляд является злом. Больше того, доведенная до логического конца, такая вера оставляет действие без мотива, ибо предлагаемое ею основание для смирения, а именно: все, что ни происходит, происходит к лучшему, - делает наше стремление к лучшему

излишним. Если же, пытаясь избежать этого заключения, мы ограничиваем всемогущество или благодать божьи, смирение лишается основания, так как происходящее может и не быть в согласии с волей бога, оно может не быть благим даже вопреки его воле. По этой причине, несмотря на то что христианство часто и с успехом способствует смирению и придает действию религиозный мотив, эти его "успехи" - результат путаницы в мыслях; они рассеиваются по мере того, как люди начинают яснее видеть.

Проблема, которую должны разрешить мы, труднее, чем проблема, стоящая перед христианством. Мы должны научиться смирению перед неизбежным, воздерживаясь от суждений, доброе оно или злое; мы должны сдерживать чувство, которое заставляет христиан говорить: "Да будет воля твоя", - и в то же время признавать, что происходящее может быть злом.

Смирение - какой бы религии мы ни придерживались - неизменно требует высокой моральной дисциплины. Однако религия облегчает

следование этой дисциплине и оправдывает причиняемую ею боль. Есть два различных, хотя и взаимосвязанных, вида смирения: одно - перед нашими личными горестями, другое - перед фундаментальным злом, существующим в мире. Смирение перед личными невзгодами наступает в момент подчинения, приводящего к рождению беспристрастной воли. Когда личная жизнь поглощает все наши мысли и желания, она становится тюрьмой, из которой страдающему человеку нет выхода - он должен покориться. Покорность освобождает мысли и

направляет волю на новые цели, которые ранее были скрыты за суетно желаемыми личными благами. Тогда возвышенное созерцание и всеобщая любовь заставляют нас устыдиться нашей жизни, а воля отвращается от протеста против неизбежного и направляется на более общие блага, которые в какой-то мере, видимо, достижимы. Таким образом, смирение перед личными горестями существенно важно для всеобщей любви и беспристрастной воли.

Смирение не в том, чтобы судить о вещах хорошо, когда они плохи: оно -

в свободе от гнева, возмущения и вечных сожалений. Если всеобщая любовь сильна в нас, мы не чувствуем гнева и возмущения, когда кто-то причиняет нам боль. Где есть желание достигнуть созерцательной свободы, там нет места вечным сожалениям. Человек, для которого созерцание привычно, не позволяет себе надолго отвлечься от мыслей, дающих ему свободу в жизни, ибо в отсутствие таких мыслей он будет чувствовать что-нибудь мелкое и недостойное - то, что привязывает бесконечное к конечному. Так созерцание и всеобщая любовь

порождают смирение перед личными невзгодами.

Однако протест может привести не к смирению, а к прометеевскому негодованию в отношении Вселенной. Созерцание может придать нашим страданиям всеобщий характер; оно покажет нам трагичность жизни, которая наполнена болью - такой сильной, что лучше бы

сознанию вовсе исчезнуть
из мира, чем ее терпеть.
Желательность последнего
нельзя опровергнуть, хотя
нельзя доказать и его
необходимости. Но даже это
можно совместить со
смирением. Несовместимы
с ним негодование и
поглощенность злом ,
делающие благо
невидимым или
трудноразличимым. Нет

смысла возмущаться злом,
за которое никто не
ответствен; те, кто
возмущен фундаментальным
злом Вселенной,
возмущаются богом,
дьяволом или же судьбой в
человеческом обличье.

Когда начинаешь понимать,
что фундаментальное зло
есть результат слепого
действия материи и
совершенно необходимое

следствие сил, не имеющих
сознания и потому ни
хороших, ни плохих самих
по себе, негодование
становится абсурдным, как
абсурден Ксеркс,
приказавший высечь
Геллеспонт [2]. Таким
образом, понимание
необходимости
происходящего освобождает
нас от возмущения. Одно
это, однако, не избавляет от

поглощенности злом.

Очевидно, что некоторые вещи из существующих хороши, некоторые плохи, и невозможно узнать, что же преобладает - добро или зло.

Совершая действие, мы должны понимать, что такое добро и что - зло: во всем, что зависит от нашей воли, нам следует считаться с вопросом о добре и зле. Но в отношении того, что выходит за пределы нашей власти, вопрос о добре и зле (хотя знание об этом, как всякое знание, стоит того, чтобы к

нему стремиться) не обладает фундаментальной религиозной значимостью, придававшейся ему в дискуссиях теизма и оптимизма.

Дуализм добра и зла, когда его слишком подчеркивают, мешает беспристрастному созерцанию, всеобщей любви и поклонению. Есть что-то ограниченное и слишком человеческое в наделении добром и злом вещей, не относящихся к человеческим действиям. Таким образом, беспристрастность созерцания, всеобщая любовь и поклонение порождают смирение перед фундаментальным злом, как и

смирение перед личными горестями. И смирение должно уже в какой-то мере существовать, чтобы они были возможны. Смирение одновременно причина и следствие веры, как в том случае, когда вера обходится без догм, так и тогда, когда она опирается на веру в бога. Вера, основанная на смирении, предполагает моральную дисциплину, подавление "я" и его требований; это необходимо для жизни, пребывающей в согласии со Вселенной, и для любого перехода от конечного к бесконечному. Такая дисциплина более строга, если нет какой-либо оптимистической догмы,

но тем значительнее результат - непоколебимость, способность к такому расширению границ "я", когда оно начинает встречать любовью все - доброе и злое.

3. Любовь. Любовь бывает двух родов: избирательная, земная любовь к тому, что приносит радость, что прекрасно или хорошо; и беспристрастная, небесная любовь, изливающаяся на все без различия. Земной любви противоположна ненависть: друзьям противостоят враги, святым - грешники, богу - дьявол. Поэтому земная любовь с ее враждебными лагерями и яростными

войнами вносит в мир раздор.
Небесная любовь не требует, чтобы
ее предмет вызывал восхищение, был
прекрасен или добр, - она изливается
на все живое, самое хорошее и самое
плохое, самое великое и самое
ничтожное. Она не только
сочувствие, ибо не просто желает
облегчить невзгоды, но находит
радость в том, что любит, и даруется
не только счастливым, но и
неудачникам. Хотя такой любви и
свойственно благоговение, она
больше чем благоговение: она не
только созерцательна, но и
деятельна; ее можно подарить тем,
кто не может даже надеяться на

милость. По своему происхождению любовь созерцательна, но она становится деятельной, когда это возможно. И у такой любви нет противоположной ей ненависти.

Для божественной любви разделение мира на добро и зло, хотя оно и остается правильным, видимо, лишено глубины - оно кажется конечным и ограниченным, ведь любовь беспредельна. Раскол на два враждебных лагеря кажется нереальным, реально лишь единение мира в любви.

Когда рождается божественная любовь, всеобщая душа начинает жить жизнью чувств. Божественная любовь для эмоций - то же, что созерцание для интеллекта всеобщей души. Больше чем что-либо другое, божественная любовь освобождает душу и разрушает тюремные стены вокруг "я", не дающие соединиться с миром. Если любовь сильна, обязанности кажутся нетрудными и служение исполнено радости. Горести, конечно, остаются, и быть может, даже глубже и безысходнее, чем раньше, поскольку жизнь большинства людей трагична. Но горечь от личных неудач проходит, а

цели становятся столь высокими, что полное крушение надежд оказывается невозможным. Любовь мира природного сохраняется, но только в гармонии со всеобщей любовью. Она больше не возводит стен, разделяющих любимых и нелюбимых. И кроме того, во всеобщей любви душа находит убежище от того одиночества, в котором она рождена и полное освобождение от которого невозможно, пока душа окружена тюремными стенами.

Для христианства любовь к богу и любовь к человеку -

две великие заповеди.
Любовь к богу, однако,
отличается от любви к
человеку, поскольку богу
мы помочь не в силах, а
человека не можем считать
совершенно благим.
Поэтому любовь к богу
созерцательна и полна
почитания, тогда как любовь
к человеку более деятельна
и полна служения. В
религии не-теистической

любовь к богу заменяется поклонением идеальному благу. Это поклонение столь же необходимо, как любовь к человеку в христианстве, поскольку без него любовь лишается ориентира в своем желании делать добро.

Поклонение благу, конечно, более великая заповедь, поскольку именно благодаря ей мы знаем, что любовь к человеку - это благо; и

знание помогает нам любить. Кроме того, она дает представление о том, какой могла бы быть человеческая жизнь, и напоминает о разрыве между возможным и действительным; отсюда возникает бесконечное сочувствие, которое тоже принадлежит к любви и, быть может, является главной ее причиной.

Смирение тоже помогает любви, ибо когда его нет, гнев, возмущение и вражда встают между душой и миром, мешая единению, в котором эта любовь зарождается. Три элемента религии - поклонение, смирение и любовь - тесно взаимосвязаны: каждый из них способствует появлению другого, а все вместе они образуют целое,

о котором невозможно
сказать, что в нем начало, а
что идет следом. Все три
могут существовать без
догм и в то же время
способны руководить
жизнью, придавая ей
бесконечность в действии,
мысли и чувстве. А жизнь в
бесконечном, сочетающая
эти три элемента, содержит
все существенно важное для
религии и при этом не

опирается на догматические верования.

Религия черпает силы в чувстве единства со вселенной - чувстве, которое способна вызывать в человеке. Вначале единство достигалось тем, что вселенную подчиняли нашему собственному понятию блага; единение с богом было легким делом, потому что бог был

любовью. Но крушение традиционной р.елигии заставило усомниться, можем ли мы довериться этому способу единения. Необходимо найти такое единение, когда мы ничего не просим у мира и опираемся только на себя. Оно возможно в беспристрастном поклонении и всеобщей любви, которые игнорируют

различие добра и зла и даны
всем в равной мере. Чтобы
освободить религию от
догм, надо воздерживаться
от требований, чтобы мир
соответствовал нашим
стандартам. Каждое такое
требование есть стремление
навязать себя миру, и
религия, которая хочет
пережить крушение догм,
должна освободиться от
него. Тем самым она

избавится от элемента,
чуждого ее духу и
мешающего ее
беспрепятственному
развитию. Религия ищет
единения со вселенной,
подчиняя потребности "я";
но если при этом считают ,
что вселенная способна
удовлетворить хотя бы
некоторые из требований
"я", то это подчинение
неполно. Поэтому в

интересах самой религии, а также в силу явной неосновательности подобного мнения, важно найти такую форму единения с миром, которая не зависела бы от взглядов на природу вселенной. Жизнь в бесконечном создает возможность единения; для тех, кто его достигает, она дает практически все, что давали

религии прошлого, а в какомто смысле даже больше.

Сущность религии, следовательно, состоит в подчинении конечной части нашей жизни. Из двух начал в человеке частичное, или животное, существо живет инстинктом и ищет блага для тела и его потомков, а всеобщее, или божественное, существо ищет единения со вселенной и свободы от всего, что мешает этим поискам. Животное существо ни доброе, ни злое само по себе; оно доброе или злое, когда

помогает или мешает божественному существу в его поисках единения. В единении с миром душа обретает свободу. Есть три вида свободы: единство в мысли, единство в чувстве, единство в воле. Единство в мысли - это знание, единство в чувстве - любовь, единство в воле - служение. Есть три вида разобщения: ошибка, ненависть, вражда. Разобщению способствует инстинкт, принадлежащий животной части человека, а единению - сочетание знания, любви и следующего из них служения, равное мудрости, высшему благу человека.

Инстинктивная жизнь видит в мире средство для достижения своих целей, поэтому считается с миром меньше, чем с собой. Она сводит знание к пользе, любовь - к союзу в борьбе соперничающих инстинктов и служит только тем, с кем связана инстинктивно. Она находит себе пристанище в узком мирке, окруженном чуждыми и, вероятно, враждебными силами; находясь в осажденной крепости, она знает, что рано или поздно должна будет сдаться.

Жизнь мудрая ищет беспристрастной цели, в ней нет соперничества и

никакой серьезной вражды.
Единение, которого она ищет,
беспредельно: она желает знать все,
любить все и служить всему.
Поэтому ее дом везде и ничто не
может ограничить ее развитие. В
знании она не делает различий
между полезным и бесполезным, в
любви - между другом и врагом, в
служении - между достойным и
недостойным.

Животная часть человека, понимая,
что жизнь коротка и бессильна,
страшится смерти и, не желая
признавать, что борьба безнадежна,
требуется другой жизни, в которой ее

неудачи обернулись бы триумфами. Божественная его часть, чувствуя незначительность отдельной жизни, думает о смерти мало, и надежды ее не связаны с личным бессмертием.

Для животной части человека, преисполненной важности собственных желаний, нестерпима мысль, что вселенной нет до нее дела; полнейшее равнодушие к надеждам и опасениям людей слишком болезненно для самолюбия

и потому считается
неприемлемым.

Божественная часть
человека не требует, чтобы
мир укладывался в схемы:
она принимает его таким,
какой он есть, и
обнаруживает мудрое
согласие, которое ни на что
не притязает. Ее энергия не
сдерживается враждебными
силами, она проникает в
них и с ними объединяется.

Не сила наших идеалов, а их слабость заставляет нас страшиться признания, что это именно наши идеалы, а не идеалы мира. Мы с нашими идеалами одиноки, и мы должны устоять перед этим мировым безразличием. Инстинкту это кажется трудным, он содрогается при мысли об одиночестве, которое его ожидает. Мудрость не

чувствует одиночества и поэтому может достигнуть согласия даже с тем, что кажется совершенно чуждым. Настоятельное требование, чтобы наши идеалы были осуществлены в действительном мире, - последняя тюрьма, из которой мудрости следует освободиться. Каждое требование - это тюрьма, и мудрость лишь тогда

свободна, когда ничего не требует.

Примечания

1. Пантеизм - учение, отождествляющее бога с природой. В ранних философских системах пантеизм выражает как натуралистическую и материалистическую, так и идеалистическую тенденции.

2. Ксеркс (?-465 г. до н. э.) - царь Персии с 486 г. до н. э. - решил завоевать Грецию и собрал с этой целью, как свидетельствуют древние источники, гигантскую армию в миллион человек, а также большой флот. С помощью мостов, составленных из лодок, Ксеркс пересек Геллеспонт. Строительству лодочных мостов, которые должны были соединить Азию с Европой, серьезно мешали штормы; по легенде, Ксеркс приказал высечь Геллеспонт розгами, а инженеров предать смерти. Штормы прекратились, и персидская армия переправилась в Европу - это заняло

целых семь дней, однако море оставалось неизменно спокойным. Вначале армия Ксеркса одерживала победы, однако битва при о-ве Саламин в сентябре 80 г. до н. э., как и ряд последующих побед греков, решила исход военных действий в пользу Греции.

Воспроизведено по изданию:

Бертран Рассел, "Почему я не христианин", М., Политиздат, 1987.